

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Павел ГУРЕВИЧ

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: gurevich@rambler.ru

Эльвира СПИРОВА

доктор философских наук, заведующая сектором истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: elvira-spirova@mail.ru

ПРО НЕСБЫВАНИЕ ДУЭТА

(Об отношениях Лу Андреас-Саломе и Фридриха Ницше)

Любовь моя, не утихай.
От несбывания дуэта...

Ольга Оторина

Статья посвящена отношениям между Фридрихом Ницше и его близкой подругой Лу Андреас-Саломе. Их длительная связь не завершилась браком, что отразилось на душевном состоянии Ницше. Однако духовная близость этих людей сказалась на их творчестве, на перипетиях их жизни. Особую ценность в наследии Ницше имеет тема страдания. Философ раскрывает переменчивость чувств, которые порождены страданием. Разумеется, это состояние возвышает душу. Однако гений Ницше разглядел за фасадом этого чувства мстительность и озлобленность. Он показал, что сочувствие и злоба

в реальной жизни перетекают друг друга. Страдание, в частности, может породить состояние, которое позже назовут мазохизмом. В толковании Ницше страдание получило героическую окраску. В статье отмечены антропологические интуиции философа. Он преодолевает просветительскую апологию человека, отмечая, что в каждом из нас есть тварь и творец, в каждом есть глина, грязь, бессмыслица, хаос. Ницше по существу оказывается создателем апофатического образа человека.

Ключевые слова: философская антропология, человеческое существование, человеческая природа, Ницше, Саломе, любовь, страдание, свобода, озлобленность, одиночество

Гимн жизни

Но поражён бывает мельком свет
Её лица необщим выраженьем...

Евгений Баратынский

Одна из выдающихся женщин минувшего века, наша соотечественница Лу Андреас-Саломе и немецкий философ Фридрих Ницше долгие годы хранили взаимные любовные чувства. Понятное дело, они не бегали между берёз, чтобы схватить друг друга за руки. Не дышали удушливой волной, когда делились своими переживаниями. В галактическом разбегании и взаимном притяжении были отрада, вдохновение, горечь, мечты и разочарования. Но и через много десятилетий они ощущали мучительную душевную близость. В известном смысле их ситуация – пример нерасторжимости судьбы.

Они познакомились, когда немецкому философу не было и сорока лет, а его русской подруге едва исполнилось двадцать. Мыслитель находился в зените грядущей славы. Он был захвачен дружбой с выдающимся немецким композитором Рихардом Вагнером. Музыка и метафизика сливались в его сознании в нечто неразъёмное. Луиза родилась в семье русского генерала Густава фон Саломе. Она была последним ребёнком после пятерых братьев. Родители постарались дать ей хорошее образование. За два года до встречи с Ницше Лу мечтала учиться в лучших университетах Швейцарии. Но порывистый, переменчивый характер девушки не был приспособлен для получения академических знаний. Она по сути дела так и осталась самоучкой. Вместе с тем её взыскательный, глубокий ум позволил ей взойти на такие духовные высоты, которые сделали её выдающейся мыслительницей, одной из исключительных женщин Европы. С юных лет она поражала всех своей неординарностью, необычной внешностью и стилем жизни.

Впервые они встретились в Риме в 1882 году. Фрау Саломе надеялась поправить здоровье дочери. Но не только слабые лёгкие служили предлогом для этой поездки. Мать Лу была обеспокоена также и психи-

ческим состоянием дочери, открытой для распахнутого чувства любви. Странная история её отношений с пастором Гийо, полная нереализованных соблазнов, вызывала понятное беспокойство матери. Девушка нуждалась в опеке. Но Лу не считалась с предрассудками века. Она уже впитала уроки феминизма и в своих мечтах была далека от идеалов своих сверстниц. В отношениях с мужчинами её манило не родство тел, а родство душ.

Несколько десятилетий спустя Лу Саломе-Андреас так напишет об их знакомстве с Фридрихом Ницше: «Его наружность к тому времени приобрела наибольшую выразительность, в лице его светилось то, что он не высказывал, а таил в себе. Именно эта замкнутость, предчувствие затаённого одиночества и производило при первой встрече сильное впечатление. При поверхностном взгляде внешность эта не представляла ничего особенного, с беспечной лёгкостью можно было пройти мимо этого человека среднего роста, в крайне простой, но аккуратной одежде, со спокойными чертами лица и гладко зачёсанными назад каштановыми волосами. Тонкие, выразительные линии рта были совсем прикрыты большими, начёсанными вперёд усами. Смеялся он тихо, тихой была и манера говорить; осторожная, задумчивая походка и слегка сутуловатые плечи. Трудно представить себе эту фигуру среди толпы – она носила отпечаток обособленности, уединённости. В высшей степени прекрасны и изящны были руки Ницше, невольно привлекавшие к себе взгляд; он сам полагал, что они выдают силу его ума» [5, с. 112].

Впрочем, эти заметки не отражали в полной мере характер Ницше. В обыденной жизни он отличался вежливостью, мягкостью поведения, ему нравились хорошие манеры. Однако вдумчивый, незачарованный взгляд на Ницше позволял также увидеть в этом человеке склонность к лицедейству. За обходительностью едва пряталась лёгкая ирония, колкий прищур, не до конца обузданный гнев и вспыльчивость. Вместе с тем философ, предлагая различные маски, предумышленно прятал свой внутренний мир. Притворство позволяло выстроить некую дистанцию между ним и другими людьми. Порой Лу казалось, что эта игра сразу бросается в глаза. Иногда же она сама оказывалась жертвой наивного маскарада.

Между философом и его юной подругой возникли нежные чувства. Лу без лишних раздумий рекрутировалась в так называемую «школу Ницше». Их взаимный интерес всё более подпитывался убеждённостью в родстве души, в созвучности мыслей. Лу познакомила философа с поэзией Лермонтова. Мог ли Ницше не откликнуться на стихотворные строчки поэта, которые так ясно выражали настрой его души:

Любил с начала жизни я угрюмое уединенье
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье?

Романтический образ мысли, свойственный русскому поэту, привлекал Ницше. Вместе с Лу они обсуждали поэмы «Мцыри», «Демон». Темы демонической любви, постоянной на горечи и скорби, отвечали духовной чуткости философа.

Если бы отношения между философом и русской девушкой ограничились только совместным интересом к романтической поэзии, её появление всё равно оказалась бы событием в осмыслении общей судьбы великого мыслителя. Жизнь влекла их своими обещаниями, к которым Лу относилась с восторгом, а Ницше – со скептическим прищуром. Лу отразила эти чувства в восьми стихотворных строчках.

Естественно, что, как любят друг друга,
Я люблю тебя, жизнь-загадка, за то,
Что ты даришь мне ликование и слёзы,
Что несёшь мне страданье и счастье за ним.
Быть и думать, столетьями длясь!
Сжимая же меня в своих крепких объятьях:
И если ты не можешь подарить мне счастья, –
Пусть так, – мне останется твоя горечь.

Философу особенно понравилась мысль, заключённая в последних строчках. Горечь от несбывшегося счастья тоже обладает несомненной ценностью. Лу была зачарована загадкой жизни, Ницше – скорбным ощущением невозвратности счастья. Позже он напишет музыку для смешанного хора с оркестром. Это сочинение он назовёт «Гимн жизни». Оно будет опубликовано в 1887 году. К тому времени пройдёт уже пять лет после их расставания. В былом ликовании проступят уже невыплаканные слёзы. Душевная боль навсегда станет для Ницше неотъемлемой спутницей жизни. Отныне философ не будет считать страдание вызовом жизни. Он будет утверждать, что без мучений и терзаний само человеческое существование утрачивает свою привлекательность.

Ницше создал около сорока законченных музыкальных композиций и более тридцати фрагментов, в частности он положил на музыку пушкинское стихотворение «Метель». Окружающие философа люди считали, что текст «Гимна жизни» он написал сам. Философ позже счёл нужным уточнить ситуацию: «Текст, по поводу которого до сих пор существует недоразумение, принадлежит не мне: это удивительная инспирация молодой россиянки, с которой я был дружен, а именно Лу Саломе. Кому удастся проникнуть в смысл последних слов этого стихотворения, тот поймёт, почему я им восхищаюсь, отдавая ему первенство перед другими. Это великие слова: тут боль не является протестом против жизни» [23].

Весьма сдержанный комментарий: «я был дружен». И этого сотворчества вполне достаточно, чтобы Лу не осталась за пределами биографии и философского наследия Ницше. Да, и философ, и русская девуш-

ка, каждый по-своему заглядывали в будущее и надеялись на щедрость судьбы. В своей первой книге «В борьбе за Бога» Лу писала: «Это была жизнь, я её любила, я её ждала, я во всей полноте черпала её своими руками. Но я отталкивала то, что в ней было принудительного, подавляющего, я не хотела мириться ни с какой предзаданностью и предопределённостью. Скорее я ждала того, что резонировало бы с моим естеством, – неожиданных выражей существования» [23].

К этим выражам нельзя не отнести пылкие отношения, которые возникли между Ницше и Лу Саломе. Он хотел, чтобы она стала его женой. Если говорить непредвзято, то ни сам Ницше, ни Лу не были приговорены к семейной жизни. Философ, вкусивший глубины одиночества и начинавший презирать людей. Лу, которая страстно потянулась к другу философа – поэту Паулю Рэ. Она не мечтала об обычных семейных радостях. Но идея домашнего союза сразу получила странное преображение. Лу не противилась совместной жизни, но представляла её в виде «светского монастыря». Это мыслилось ею так: поэт, философ и Лу живут вместе, постоянно углубляясь в научные беседы. Вместе с тем они готовы поспорить и о превратностях любви. Более того, они привлекают к своему союзу известных в Европе людей, чтобы обмозговать, наконец, «человеческие судьбы».

Такой семейный мираж не мог стать реальностью. Восьмилетняя дружба с поэтом Паулем Рэ уже утомила Ницше. А в Лу он хотел видеть не научного оппонента, не восторженную ученицу, а реальную женщину, которая могла бы стать его женой. Эта особа покорила его не как случайная спутница по жизни. Он подумал: «Вот душа, которая будто одним дуновением создала для своего обитания это хрупкое тело». В Лу его очаровала глубина её погружения в мудрость веков, её способность быстро, едва ли не на лету схватывать чужие идеи и придавать им особый смысл, продиктованный её женской натурой. Ницше видел в ней идеал нового человека, далёкого от обыденщины, способного основательно превозмочь среднестатистический уровень мыслящего создания.

Лу покорена Ницше. Она усматривает в нём философа новой эпохи, мыслителя, способного воплотить в себе озарения нового времени. Лу пишет поэму «К скорби» и посвящает её Ницше:

Кто же, схваченный тобою и чувствуя твой суровый взгляд,
Обращённый на себя, мог бежать?
Я погибну, если ты завладеешь мною,
Я верю, что ты способна только разрушать;
Я знаю, что ты должна посетить всё живущее на земле;
Никто не может избегнуть твоего прихода;
Жизнь без тебя была бы прекрасной,
Но и ты стоишь того, чтобы существовать.

Друг Ницше Петер Гаст, увидев эти строчки, не сомневался в том, что они принадлежат Ницше. Но философ восстановил правду. «Нет, – писал он своему другу, – то стихотворение принадлежит не мне. Это одна из тех вещей, которые обладают надо мной полной властью, мне ещё никогда не удавалось прочесть его без слёз; как будто звучит голос, которого я бесконечно ждал с самого детства. Это стихотворение моего друга Лу, о которой Вы ещё не слышали... Лу – дочь русского генерала, ей двадцать лет; она зорка, как орёл, и храбра, как лев, при этом она ещё совершенный ребёнок... Её чуткость к моему способу мыслить и рассуждать поразительна... В любом случае у неё столько уверенности и такой сильный характер; она очень хорошо знает, чего она хочет, невзирая на мнение всего света и не заботясь о нём» [16, с. 181].

Через месяц после знакомства с Лу Ницше поручает Паулю Рэ переговорить с девушкой насчёт неотложного брака с ней. Одновременно Ницше посылает письмо матери Лу в Санкт-Петербург с официальным предложением выдать дочь за него. Он терзает себя мыслью о возможном отказе. Философ понимает, что его финансовое «благополучие» – плохой аргумент в его пользу. Но он рассчитывает на издание своих трудов, надеется на их востребованность, мысленно подсчитывает дивиденды. Однако такой обыденный вариант будущей жизни не устраивал Лу.

Наконец, Ницше решился сделать предложение Лу без посторонней помощи. Но девушка повторила своё решение – не брак, а дружба, глубокая, пронизанная взаимным почитанием, не связанная никакими предусловиями. Лу ищет предлог, чтобы не уязвить самолюбие великого мыслителя. Она тщательно обдумывает слова, которые могут внести ясность в её намерения. Лу настаивает на дружбе, ещё раз обсуждает проект совместной жизни, но втроём, с включением Рэ. Мальвида фон Мейзенбух, принимавшая деятельное участие в судьбе философа и мечтавшая об обычном браке для него, пишет Лу: «И в конце концов это триединство! Несмотря на то, что я вполне убеждена в Вашей нейтральности, опыт моей жизни, равно как и знание человеческой природы, позволяет мне утверждать, что так это не может длиться долго, что в самом лучшем случае серьёзно пострадает сердце, а в худшем – дружеский союз будет разрушен... – естество не даёт себя одурачить, а связи существуют только в той мере, в которой мы их сознаём. Однако если Вы, вопреки всему, это сделаете, я не усомнюсь в Вас, я лишь хотела бы уберечь Вас от той неизбежной боли, которую Вы уже испытали» [23].

Участники воображаемой коммуны с огромным усердием ищут место, где бы они могли реализовать свой план. Они называют то Вену, то Цеплице в Нижней Силезии, Берлин. Наконец, согласованно останавливают свой выбор на Париже. 7 июня 1882 г. Лу получила письмо от Ницше: «В настоящий момент я считаю необходимым, чтобы мы сохраняли молчание в присутствии даже самых близких: никто, ни т-

те Рэ в Цепплице, ни m-lle Мейзенбух в Байроте, ни моя семья не должна ломать себе голов и сердец над этими вещами, до которых только мы, мы доросли и с которыми справимся, для других же они могут остаться опасными фантазиями» [23]. Через два дня он присылает новое письмо: «Люблю жизнь “в укрытии”, ограждённую от посторонних взглядов, и желаю всем сердцем, чтобы Вас, как и меня, миновали европейские пересуды. Тем более что я связываю с нашей совместной жизнью такие высокие надежды, что любые закономерные или непредвиденные побочные следствия в настоящее время меня мало занимают; и то, что произойдёт, мы будем готовить вместе, и весь этот мешок возможных огорчений мы каждый вечер будем вытряхивать на дно, не правда ли?» [23].

Ницше всеми силами борется за свою любовь. Он пишет Мальдиве: «В настоящее время эта девушка связана со мной крепкой дружбой (такой крепкой, какую можно создать на этой земле), долгое время у меня не было лучшего завоевания...». О подлинности своих чувств Ницше сообщает также и Питеру Гасту: «Дорогой друг, я уверен, что Вы окажете мне такую честь и исключите понятие влюблённости из наших отношений. Мы друзья, и для меня неизменно святыми остаются эта девушка и её доверие ко мне» [16, с. 181].

Итак, брак не состоялся. О чём же писать, кроме как о не состоявшемся дуэте? Но разве нас интересуют хрестоматийные альковные подробности? Вот русский поэт А.К. Толстой написал стихотворение. Его лирический герой увидел на балу стройную девушку. Он был поражён тем, что её дивный голос звучал радостно, а очи при этом были почему-то печальны. Не правда ли, странно? Но мы ничего не знаем о продолжении сюжета. Однако этот голос остался в памяти лирического героя. Он часто видит в своём воображении эти печальные очи и слышит её весёлую речь. Он влюблён? Он и сам в этом не уверен. Но полагает, что, скорее всего, влюблён. Так про что история?

Отказ от заключения брака с Ницше в нашем случае – не завершение сюжета. Нас интересует другое – как отразилась на судьбе Лу и Ницше эта неоконченная история. И здесь важно, что и спустя десятилетия они ощущали взаимную влюблённость. Где же письма, живые свидетельства? Мы находим их не в эпистолярном наследии, а в трудах Ницше и Лу Андреас-Саломе. Здесь мы видим отражение любви как чувства, способного одухотворить человека, окрылить его творчество, придать ему духовную глубину и неповторимость. Можно без преувеличения сказать, что они состоялись как выдающиеся исследователи благодаря друг другу. Ницше создал своё произведение «Так говорил Заратустра» под влиянием иллюзий о Лу, которые вознесли его на гималайскую высоту чувства. Так считали современники Ницше. Но и сама Лу не стала бы известной писательницей и психоаналитиком без жизненной встречи с Ницше.

Благовестие страдания

Возвращается боль причинённая,
Как старуха, в стон облачённая,
Как собака, на смерть обречённая,
Как воровка, в грехе уличённая.

Борис Ливанов

Утрату Лу Ницше пережил очень болезненно. Самые разные душевные состояния томили его. Порой он думал, что его matrimониальные чувства были наивны и несбыточны. Были минуты, когда он считал Лу воплощением абсолютного зла. Страдание полностью захватило его. Он ещё острее ощутил своё одиночество. Ницше и раньше искал затворничества. 31 октября 1880 г. он писал: «Одиночество всё более кажется мне и целительным средством, и естественной потребностью, и именно полное одиночество. Нужно уметь достигнуть того состояния, в котором мы можем создать лучшее, на что мы способны, и нужно принести для этого много жертв» [5, с. 115].

Теперь ему всё чаще казалось, что расставание с Лу служит для него жертвой ради обретения душевного благополучия. Но разве страдание может принести уладу? Ницше вновь и вновь обдумывает эту тему. Кант ведь тоже размышлял о парадоксальности такого душевного состояния. Почему оно влечёт к себе человеческую натуру? Страдание причиняет боль, но почему возникает побуждение сохранить это состояние? И всё-таки Кант не видит внутреннего сродства страдания и наслаждения. Он полагает, что наслаждение – это чувство, которое способствует жизни. А страдание, по мнению Канта, служит препятствием этой радости.

В этой череде состояний что же оказывается первым? Может быть, нужно считать, что страдание – это досадная помеха, которая прерывает поток законных удовольствий? Думать так – абсурдно, полагает Ницше. Даже Кант, этот «дурной мыслитель», понимает, что каждому наслаждению должно предшествовать страдание. Именно так. Мучения и тоска первичны. Они застают человека в самом начале жизни. Кант так и пишет: «...страдание всегда первое» [10, с. 261]. Если бы человек находился постоянно в состоянии наслаждения, то он не мог бы подняться выше определённого уровня. Он так и остался бы, как говорил Шопенгауэр, рядовой статистической единицей. Не может наслаждение следовать одно за другим. Между ними всегда должно быть страдание. Мысль Канта сводится к тому, что никто не желает другому испытать страдание, чтобы самому глубже ощутить собственное благополучие. Но тут, как говорится, без комментариев. Определённая порочность человеческой природы как раз и проявляется, вопреки убеждённости кенигсбергского затворника, в том, что люди способны утонуть в зависти, в низменных поступках и помышлениях.

Кант, впрочем, полагает Ницше, не умеет доводить свою мысль до логического финала. Несомненно, он прав, когда относит боль, страдание и стыд к возвышенным чувствам. Пугающий гром или высоко громогласящие скалы вызывают изумление. Но разве человеческие мучения не обладают величиим? Страдание, пожалуй, не только поражает своей масштабностью, сопоставляющей её с громом. Самые тончайшие душевные состояния, окропленные болью, достойны изумления.

Ницше считает, что Шопенгауэр, судя по всему, ближе к правде, чем Кант. Вот он пишет: «Если ближайшая и непосредственная цель нашей жизни не есть страдание, то наше существование представляет собой самое бестолковое и нецелесообразное явление. Ибо нелепо допустить, чтобы бесконечное, истекающее из существенных нужд жизни страдание, которым переполнен мир, было бесцельно и чисто случайно. Хотя каждое отдельное несчастье и представляется исключением, но несчастье вообще – есть правило» [25, с. 70].

Безусловно, прав Шопенгауэр. Если что-либо и можно считать правилом, нормой, то только несчастье. Открытие Ницше состоит в том, что он усматривает за болью особый вид наслаждения. Страдалец получает удовольствие от того, что он причиняет боль другим, ощущая при этом своё превосходство. Так страдание не исчезает, а, напротив, множится. «Таким образом, – пишет Ницше, – жажда вызывать сострадание есть жажда наслаждения самим собою, и притом за счёт ближних, она обнаруживает человека во всей бесцеремонности его собственного милого Я, а отнюдь не в его “глупости”, как полагает Ларошфуко» [25, с. 273].

Надо обладать особой интеллектуальной прозорливостью, чтобы угадать за страданием такие эмоциональные состояния, как озлобленность, желание причинить боль. Традиционная этика толковала человеческие чувства как стойкие и прозрачные. Страдание – это одно, а озлобленность – это совсем другое. Страдалец заслуживает участия и жалости, а злобный человек – нет. Однако антропологическое чутьё Ницше показывает, что эти состояния пересекаются, обретают противоположный смысл. Злоба может трансформироваться в сочувствие, а страдание вызвать наслаждение от причинения боли другим людям. «Злоба, проявляясь в таких бесчисленных, но очень небольших дозах, есть могущественное возбуждательное средство жизни – точно так же как благожелательность, распространённая в мире людей в таких же формах, есть повсеместное целебное средство» [25, с. 273]. Люди на самом деле нередко развлекаются, доставляя огорчение другим людям «дробью мелкой злобы».

Феноменология злобы у Ницше такова, что он ищет и невинное в ней. Порой озлобленность вызвана не страданием другого человека, а желанием получить наслаждение путём мстительности. Ницше ставит важные вопросы: состоит ли безнравственное в том, чтобы получать

удовольствие от страдания других? Можно ли считать злорадство дьявольским чувством, как писал Шопенгауэр? Ницше не анализирует садизм как оборотную сторону страдания: он не апеллирует к маркизу де Саду. Однако отмечает, что жестокость – древнейшая радость человечества: «Сострадание столь же мало имеет своей целью удовольствие другого человека, как злоба – его страдание само по себе» [25, с. 295].

Однако связаны ли эти глубокие мысли с Лу? Она ли инспирировала эту боль и прозрение? Разумеется, и до встречи с Лу Ницше был, как уже отмечалось, нелюдимым и сумрачным человеком. Это отметила и она сама, поскольку стала со временем толкователем его творчества и его личности. Лу писала: «Чувство внутреннего уединения составляет во всех блужданиях Ницше неизменную рану, из которой глядит на нас его образ. Как бы он ни маскировался, куда бы он ни пошёл, всегда он носит с собой “свою пустыню и святой неприступный рубеж”» [5, с. 115]. Лу считала, что страдания и одиночество – таковы два главных жизненных начала в духовном развитии Ницше. «С гордым восклицанием: “что не убивает меня, то делает меня сильнее!” (“Сумерки идолов”) он истязает себя не до полного изнеможения, не до смерти, а как бы нанося себе болезненные раны, в которых он так нуждался. Этот *поиск страдания* проходит через всю деятельность Ницше, образуя истинный *источник его внутренней жизни*» [5, с. 116–117].

Но почему именно Лу Саломе выступает в качестве комментатора идей Ницше? Что позволяет ей быть точной в оценке характера философа и его тяги к страданию? Известно, что мы располагаем сегодня воспоминаниями двух женщин о Ницше. После его кончины они опубликовали свои комментарии, по-своему обосновывая своё право судить об этом гении. Безмерно талантливая исследовательница творчества Лу Саломе Лариса Гармаш в качестве первой мемуаристки называет Элизабет Ферстер Ницше, сестру мыслителя, наследницу и распорядительницу его архива. Произвольное обращение с архивом философа вызвало к жизни множество заблуждений, непродуманных констатаций, которые представляют Ницше предшественником национал-социализма.

Другую женщину С. Гармаш называет самым противоречивым персонажем в судьбе мыслителя. Но кем была Лу, которая пробудила в Ницше множество чувств – от любви до ненависти, от восторга – до негодования? Была ли она только очаровательной женщиной, из-за которой потеряли голову многие знаменитости? «Лу была “Великой русской революцией” в жизни Ницше, её боготворил и воспевал Рильке, ею восторгался Фрейд, её собеседниками были Ибсен и Толстой, Шпенглер и Гамсун, Тургенев и Вагнер, с её именем связывали самоубийства Виктора Тауска и Пауля Рэ, по настоянию Мартина Бубера, известного философа и близкого друга, ею была написана книга под названием “Эротика”, которая стала бестселлером в Европе и выдержала пять переизданий» [7, с. 236].

Большая честь заслужить право быть едва ли не единственной ме-муаристкой Ницше. Заслуга Лу Саломе и в том, что она дала весьма объективную и точную оценку личности философа и смысла выдвинутых им идей. Мы можем утверждать, что за всем, что написала при жизни Лу Саломе, всегда стояла тень великого философа. Именно Лу Саломе свидетельствовала, что все идеи, которые Ницше развил или оставил после себя для последующего осмысления, были в значительной мере историей его внутренней жизни, его внутренней борьбы. На такой вывод может отважиться только тот, кто знал Ницше не только по его трудам. Лу Саломе, надо полагать, имела на это право не только как подруга Ницше, но и как разносторонний исследователь.

Лу Саломе пишет: «Основное настроение, из которого вышла каждая из его книг, отражается уже в самих заглавиях: заглавия у Ницше никогда не бывают случайными, безразличными или отвлечёнными – это всегда символы актуального для него внутреннего настроения. Эмблема его одинокой духовной жизни в конце 70-х гг. – “Странник и его тень” (1886): он из воина стал странником, который вместо прежних враждебных нападений на духовную родину занят теперь исследованием страны своего добровольного изгнания – он смотрит, годится ли каменистая почва для возделывания, не найдётся ли где-нибудь чернозёмного слоя. Бурный раздор с противником сменился теперь тишиной беседы с самим собой: отшельник прислушивается к своим собственным мыслям, как к разговору нескольких голосов, он живёт в их обществе. Они ещё кажутся ему угрюмыми, однообразными, поднимающимися так грозно и высоко, как тень в час заката. Но это скоро пройдёт. То, что прежде было мыслью и бесцветной теорией, обретает теперь звучание и внешний облик, форму и жизнь. Таким всегда был внутренний ход усвоения им и пересоздания нового и непривычного: он вдыхал в него жизнь, делал его способным к полноте бытия» [20, с. 150–151].

Постижение феномена страдания в истории философии неотъемлемо содержит философско-антропологический смысл. Любомудры разных эпох связывали осмысление страдания с человеческой природой, с гранями человеческого бытия. Мучения и невзгоды, сопряжённые с человеческим существованием, зачастую рассматривались как неизбежные и обусловленные конечностью человеческой жизни. Неотвратимость страдания нередко трактовалось как тайный шифр всей европейской культуры. Гедонизм и аскетизм обычно оценивались как две противостоящие смысловые ориентации.

Вклад Ницше в философское толкование страдания неоценим. Несомненно, попытка философа воссоздать мир из собственной души не могла не вызвать искания личностного самоуглубления. А это в свою очередь привело Ницше к страданию от самого себя, к недовольству собой. Именно это и составило, по мнению Лу, первооснову его духовного

существа. Она писала: «Теперь, когда Ницше уже не насилует своей души, когда он свободно выражает свои влечения, становится ясно, среди каких мук он жил; слышится крик от избавления от самого себя, стремление найти себе противоположность, конечную метафору не только отдельных побуждений, но и всего внутреннего человека. В полном отчаянии он ищет в самом себе и вне себя спасительный идеал, противоположный своему внутреннему существу» [20, с. 157–158].

Ницше сам утверждал: «Вряд ли когда-либо между людьми существовала большая философская открытость, чем между мною и Лу Саломе». Это и даёт нам право не только следовать за ницшевской строкой, но учитывать также, что Лу Саломе и сама пыталась осмыслить, в чём проявилась эта философская открытость между нею и Ницше.

Жажда страданий

И отдели меня от подлых,
И дай мне горечи в любви...
Борис Чичибачин

Ницше считал, что феномен страдания по-разному переживают величественные натуры и представители «черни». Он полагал, что «пуще всего страдают они от неблагородных, мелочных вспышек, выводящих их из себя в какие-то злые мгновения, короче, от сомнений в собственном величии – и вовсе не от жертв и мученичества, которых требует от них их задача. Пока Прометей сострадает людям и жертвует собою ради них, он счастлив и велик в себе самом; но стоит лишь ему почувствовать зависть к Зевсу и почестям, оказываемым последним смертными, как он начинает страдать» [14, с. 620].

Немецкий философ полагает, что люди, обладающие пророческим даром, тоже страдают сильнее, нежели простые люди. По сути дела, пророчествует их боль [14, с. 644]. В следующем столетии эту мысль подтвердит К.Г. Юнг. Характеризуя интуитивов как отдельный психологический тип, он отметит их способность подниматься над реальностью, чувствовать неумолимый ход событий. Ницше приходит к мысли, что боль никогда не бывает бессмысленной. В ней столько же мудрости, сколько и в удовольствии. Боль сохраняет людей. «Мы должны жить и с убавленной энергией: стоит только боли подать свой аварийный сигнал, как наступает время убавить энергию – приближается какая-то большая опасность, какая-то буря, и мы поступим умно, если “вспучимся” как можно меньше» [14, с. 645].

Надо ли избегать опасности, боли, страдания? Напротив, по замечанию Ницше, есть люди, которые не страшатся опасности. Это героические личности, «великие бичи человечества», по замечанию философа

фа. Само страдание дарует им величайшие мгновения. Их не прельщает обыденное счастье. Благодаря их отваге сохраняется человечество. Нельзя не вспомнить пушкинские строчки:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы.

Так в трактовке Ницше страдание получает героическую окраску. Героический идеал Ницше – сочетание наибольших страданий с высочайшей верой в будущее. Ключевым вопросом для Ницше остаётся такой: «Выгодно ли быть сострадательными людьми?». У этого вопроса есть и дополнительный: «Действительно ли страждущим нужно наше сострадание?». Ницше полагает, что страдание – это привилегия и потребность отдельного человека. Вмешательство же другого человека лишает данное чувство его личного характера. «В большинстве благодеяний, – пишет философ, – оказываемых несчастным, чем-то возмутительным выглядит то интеллектуальное легкомыслие, с которым сострадающий корчит из себя судьбу; ему неизвестно ровным счётом ничего о внутренних последствиях и переплётах, которые называются моим или твоим несчастьем!» [14, с. 657].

Страдания и одиночество – таковы два главных жизненных начала в духовном развитии самого Ницше. Поиск страдания проходит через всю деятельность Ницше. Он пишет: «То напряжение души в несчастье, которое прививает ей крепость, её содрогание при виде великой гибели, её изобретательность и храбрость в перенесении, претерпевании, истолковании, использовании несчастья, и всё, что даровало ей глубину, тайну, личину, хитрость, величие, – разве всё это не было даровано ей под оболочкой страдания и воспитания великого страдания?» [17, с. 346].

Кажется вполне логичным, что человек, погружённый в страдание, высоко оценивает сочувствие к его состояниям. Он, надо полагать, приветствует и сострадание. Но нет, это не относится к Ницше. Он не находит утешения в сострадании. Более того, он даже отвергает сострадание как таковое. В последовательном продумывании такой позиции, несомненно, есть и своеобразный сигнал Лу, которая тяготилась тем, что она причинила боль своему философскому кумиру.

Ницше утверждает, что люди нуждаются в страданиях. Это их крест. Он даже перечисляет ужасы, лишения, полуночные бедствия, риск, промахи, которые ведут, как он выражается, к «собственному небу». «Чтобы достигнуть могущественного развития своего самосознания, дух его нуждался в борьбе, страданиях и потрясениях. Роковым образом нужно было вырвать его душу из того мирного состояния, в котором он естественно пребывал, проводя время в пасторском доме своих родителей, потому что его творческая сила глубинно зависела от волнения и экста-

за всего его существа. Тут впервые в жизни Ницше проявляется *жажда страдания*. Но не перековал ли он эту извечную спутницу “декадентской натуры” в нечто совершенно новое?» [20, с. 125].

В каждом человеке, по его мнению, живут тварь и творец, в каждом есть глина, грязь, бессмыслица, хаос. Человек страдает по необходимости и должен страдать, чтобы из твари стать творцом, закалить, сформовать и «обжечь» себя, добиться твёрдости молота. Со страданием связано понятие сострадания, которое является основой христианской морали – через сострадание человек очищается, преодолевает собственный животный эгоизм. Сострадание – это и опыт непосредственного мистического проникновения в чужое Я. Однако, с точки зрения Ницше, сострадание умаляет человеческое достоинство, принижает человека. Человек, пытающийся выковать из себя человека, достоин не сострадания, а любви. Сострадание, по Ницше, – черта рабской морали.

Вместе с тем Ницше считал, что сострадание как чувство, как эмоциональное состояние сильнее страдания. Он писал: «Мы ощущаем, например, более болезненно, когда кто-либо из наших друзей провинится в чём-нибудь позорном, чем когда это случается с нами самими. Дело в том, что, прежде всего, мы больше верим в чистоту его характера, чем он сам; далее, наша любовь к нему, вероятно именно в силу этой веры, сильнее, чем его собственная любовь к себе. Хотя его эгоизм действительно страдает при этом больше, чем наш эгоизм, но зато неэгоистическое в нас – это слово никогда не следует понимать в строгом смысле, а всегда лишь как условное облегчение термина – всё же затрагивается его виной сильнее, чем неэгоистическое в нём» [18, с. 271].

Ницше обратил внимание на нездоровый характер страданий. Он считал, что существует такой род страданий, который вообще можно назвать болезнью. Ипохондрия переводится с греческого как подреберье. Древние греки полагали, что именно в этой части организма располагается очаг всех людских недугов. Во времена Ницше ипохондрия отождествлялась с тоской, меланхолией, унынием. «Так существует и христианская ипохондрия, которая одолевает тех одиноких, движимых религиозным чувством людей, которые постоянно мысленно созерцают страдания и смерть Христа» [18, с. 271].

Немецкий философ солидаризируется с французским мыслителем Франсуа де Ларошфуко, который считал, что сострадание – это нередко способность увидеть в чужих несчастьях свои собственные, это – предчувствие бедствий, которые могут постигнуть и нас. Ницше считал, что этот мыслитель предостерег нас от сострадания, поскольку советовал отдать это чувство простонародью. Люди из народа редко руководствуются разумом. Поэтому если они и захотят помочь страждущим, то вовсе не по велению рассудка, а скорее по зову страсти. Но ещё Платон предостерегал, что сострадание обессиливает душу. Нет, Ницше, разумеется, не отвергает сострадание полностью. Однако нужно, по его мнению, остерегаться иметь его.

Интуиция Ницше здесь безупречна: страдание может быть при творным. Такой диагностики не было ни у Канта, ни у Шопенгауэра. В самом деле, плачущий ребёнок вызывает сочувствие. Но философ предлагает понаблюдать за детьми. Они кричат только для того, чтобы вызвать сострадание, а вовсе не потому, что они в данный момент чувствуют в этом потребность. Ницше советует: поживите в обществе больных и душевно подавленных. Вы услышите их стенания, но они вызывают подозрение: не рассчитано ли это показное бедствие на то, чтобы доставить боль другим людям. Так немецкий философ очищает сострадание от моральной, показной риторики. Он раскрывает изнанку данного эмоционального состояния и призывает не принимать страдание как род душевного расстройства.

Самозаклание человечества

Яд в глубине его страстей
Спасенье – в силе отрицанья,
В любви – зародыши идей,
В идеях – выход из страданья.

Я.П. Полонский

Тема страдания у Ницше понемногу трансформируется в оценку человека как особого рода сущего. «Как только Ницше, – пишет Лу, – превращает своё внутреннее содержание в содержание мира, как только он начинает искать мировые законы в событиях собственной души, философия его рисует трагическую картину: человечество должно ему казаться страдающим, безнадежно больным в своём развитии, двойственным существом, имеющим право существования не в самом себе, а лишь настолько, насколько оно образует мост к высшей, сверхчеловеческой расе. Конечной целью человечества является погибель и самоотвержение во имя противоположного идеала. Но в этом самозаклании человечества Ницше видит радостную сторону» [20, с. 158].

Без преувеличения можно, судя по всему, назвать Ницше родоначальником мизантропологии. Его взгляд на человека свободен от всякой идеализации. Слишком долго в истории философии человек рассматривался как разумное и благородное создание. Это как раз и породило желание избежать этого пресыщения. «Мизантропия, – писал Ницше, – есть следствие слишком ненасытной любви к людям и “людоедства” – но кто же просил тебя глотать людей, как устриц, мой принц Гамлет» [14, с. 606].

В основе мизантропологии Ницше лежит не ненависть к человеку, а презрение к нему. По его мнению, ненависть оплачивается слишком дорого. Немецкий философ приближается к проблеме двойственности (амби-

валентности) человеческих чувств. Любой идеал, согласно Ницше, – школа любви и ненависти, а также почтения и презрения. Задолго до Фрейда немецкий философ пытался показать сплетение противоречивых чувств: в каждой любви таится ненависть, в ненависти прячется любовь.

Вот почему Ницше заявляет, что он – не мизантроп... Подлинным мизантропом он считал Тимона Афинского, V в. до н. э. Этот человек разочаровался в друзьях и согражданах и поэтому стал отшельником. Тимон упоминается в сочинениях Лукиана, на основе которых были написаны трагедия Шекспира «Тимон Афинский» и «Человеконенавистник» Шиллера.

«Чтобы ненавидеть так, как прежде ненавидели человека, по-ти-моновски, целиком, без всяких скидок, от всего сердца, изо всей любви ненависти, – для этого следовало бы отказаться от презрения: а какой утончённой радостью, каким терпением, каким добродушием обязаны мы именно своему презрению!» [14, с. 704]. В этом чувстве Ницше различает особые оттенки, считая обнаружение этого состояния настоящим искусством. В ненависти можно найти уважение, страх. Презрение же к человеку – это, по Ницше, совсем иное. Он отмечает, что «при каждом общении с людьми нас слегка знобит; что при всей нашей кротости, терпеливости, человечности, учтивости мы не в силах уговорить собственный нос отказаться от своего предубеждения к близко стоящему человеку; что мы тем более любим природу, чем меньше в ней человеческого, и искусство, если оно есть бегство художника от человека, или насмешка художника над человеком, или насмешка художника над самим собой...» [14, с. 705].

Феноменология злобы у Ницше связана с особым феноменом, который он обозначает французским словом «ressentiment» (негодование, злопамятность, озлобление). Он ввёл это понятие в своей работе «Генеалогия морали» [15]. Так было обозначено чувство враждебности к тому, что человек считает причиной своих неудач («врагу»), бессильная зависть, тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе.

Чувство слабости или неполноценности, а также зависти по отношению к «врагу» приводит к формированию системы ценностей, которая отрицает систему ценностей «врага». Субъект создаёт образ «врага», чтобы избавиться от чувства вины за собственные неудачи. За несколько столетий до Фрейда, который открыл защитный механизм проекции, Ницше показал, как конструируется клише ненавистника. Уже в средние века «образ врага» был поставлен на поток. Он лепился истово, с использованием всех вытесненных влечений и враждебных импульсов. Ведь вождь протестантизма Мартин Лютер, по заключению Эриха Фромма, был авторитарной личностью. Чем обусловлена его безмерная ненависть к католицизму? Раздвоенностью натуры. Он ненавидел других, особенно «чёрнь», презирал себя, отвергал жизнь, и из этой ненави-

сти выросло страстное и отчаянное стремление быть любимым. Вся его жизнь прошла в непрерывных сомнениях, во внутренней изоляции. На такой личной почве он и смог стать глашатаем тех социальных сил, которые находились в аналогичном психологическом состоянии, – несли сокрушительный заряд неприязни [9].

Болезнь гения

В сродстве с безумством гений пребывает,
И тонкая стена их разделяет...

Александр Поп

В конце XIX в. огромную популярность в Европе имел уже названный нами Франц Нордау. Врач по образованию, ученик Ч. Ломброзо он углядел-таки за «Закатом Европы» не просто угасание выполнившей свою миссию европейской культуры. Он поставил психиатрический диагноз кумирам своей эпохи – Ф. Ницше, Л. Толстому, О. Уайльд, прерафаэлитам и другим гениям. Он, впрочем, не только дал острую, занимательную и парадоксальную оценку творчеству этих «мастеров культуры». Нордау усомнился в их психическом здоровье. Более того, он пришёл к выводу, что речь может идти не только о психопатических расстройствах ряда виднейших мыслителей и писателей. Правильнее, с его точки зрения, описать общий процесс вырождения, поразивший Европу. Так и называется книга – «Вырождение» [19].

Всё же М. Нордау не склонен отождествлять гения и психопата. Действительно, личность любого человека, в том числе и испытывающего болезненные состояния, многогранна. Если лишить гения его дарования, он сохранит в себе другие личностные качества, иначе говоря, останется человеком очень умным, дельным, нравственным, здраво-мыслящим, который с честью займёт всякое общественное положение. Но попробуйте отнять у психопата его дарование, и вы получите только преступника или сумасброда, ни к чему не пригодного в жизни. Если бы Гёте не написал ни одного стихотворения, он всё-таки остался бы необычайно умным и порядочным человеком, тонким ценителем искусства, эстетиком-коллекционером и замечательным знатоком природы. Попробуйте оценить ход мысли Нордау. Он даже не замечает, что бессознательно приравнивает поэтическое творчество к своеобразному отклонению от нормы. Немецкий поэт, по мнению Нордау, хорош и без своих стихов.

Надо ли объяснять читателю значение философской деятельности Ницше? Вся современная постмодернистская философия питается идеями немецкого философа. Но надо отдать должное М. Нордау – его попытка, отталкиваясь от текста, дать представление об авторе, а

главное о тех состояниях, которые диктовали философские озарения, отмечена литературным блеском и даже определённой точностью. «Если читать произведения Ницше одно за другим, – пишет Нордау, – то с первой до последней страницы получается впечатление, как будто слышишь буйного помешанного, изрыгающего оглушительный поток слов со сверкающими глазами, дикими жестами и с пеной у рта, по временам раздражающегося безумным хохотом, непристойной бранью или проклятиями, сменяющимися вдруг головокружительной пляской, или накидывающегося с грозным видом и сжатыми кулаками на посетителя или воображаемого противника. Если этот бесконечный поток слов имеет какой-то смысл, то в нём можно различить ряд повторяющихся галлюцинаций, вызываемых обманов чувств и болезненными органическими процессами. Там и сям всплывает ясная мысль, имеющая как всегда у буйных помешанных, характер категорический, повелительный. Ницше не аргументирует. Когда ему кажется, что он может натолкнуться на возражение, он осмеивает его и резко декретирует: это – ложь. Но он сам вечно противоречит своим диктаторским заявлениям. Сказав что-нибудь, он тотчас же говорит противоположное, и притом с одинаковой страстностью, по большей части в той же книге, на одной и той же странице. Иногда он сам замечает это противоречие и тогда делает вид, будто потешался над читателями» [19, с. 259].

Конечно, эти строчки можно оценить как злобный пасквиль. Никто никогда из современников Ницше не изображал пляшущегося философа со сверкающими глазами и безрассудным хохотом. Никому не приходило в голову, что тексты философа – это ревущее безумие, не поддающееся анализу. С таким же успехом можно фантазировать, что, читая сочинения Нордау, представляешь себе злобного, угрюмого человека, с вращающимися глазами, в которых разлито презрение, а психиатрические выводы сопровождаются барабанным боем.

«Ницше хотел, особенно в последнее время, – пишет Лу Саломе, – когда он был более всего болен, чтобы его болезнь и была понимаема в таком смысле, то есть как история выздоровления. Эта могущественная натура успела среди страданий и борьбы найти исцеление и новые силы в своём идеале познания» [20, с. 159]. Действительно, с какой витальной силой выражен этот идеал в афоризме, который он озаглавил «Вздых познающего»: «О, как я жаден! Эта душа не знает самоотречения – напротив, в ней живёт всепоглощающее “я”. Оно хотело бы глядеть через множество людей, как через собственные глаза, и пользоваться их руками, как своими собственными. Оно хотело бы даже вернуть всё прошлое, не утратить ничего, что могло бы принадлежать ему! О, этот пламень моей жадности! Если бы я мог возродиться в сотнях существ» [20, с. 159].

Список литературы

1. *Андреас-Саломе Лу*. Вклады в психоанализ / Пер. с нем. М.М. Бочкарёвой. Ижевск: ERGO, 2012. 103 с.
2. *Андреас-Саломе Лу*. Мой Ницше, мой Фрейд... М.: Алгоритм, 2016. 335 с.
3. *Андреас-Саломе Лу*. Нарциссизм как двойное направление / Пер. с нем. М.М. Бочкарёвой. Ижевск: Ergo, 2013. 59 с.
4. *Андреас-Саломе Лу*. Прожитое и пережитое: Воспоминания о некоторых событиях моей жизни; Родинка: Воспоминания о России / Пер. с нем. и предисл. В. Седелника. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 447 с.
5. *Андреас-Саломе Лу*. Фридрих Ницше в своих произведениях // *Саломе Лу*. Эротика / Пер. с нем. Л. Гармаш и З. Венгеровой. М.: Культурная революция, 2012. С. 109–162.
6. *Ворожихина К.В.* Ницше во Франции: конфликт первых интерпретаций // *Философский журнал*. 2015. Т. 8. № 1. С. 88–94.
7. *Гармаш Лариса*. Лу Саломе сама о себе // *Саломе Лу*. Эротика / Пер. с нем. Л. Гармаш и З. Венгеровой. М.: Культурная революция, 2012. С. 233–407.
8. *Гармаш Лариса*. Лу Саломе: Сама свидетельствующая о себе и о своей жизни. Челябинск: Урал LTD, 2000. 341 с.
9. *Гуревич П.С.* Образ врага // Независимая газета. 2001. 14–16 марта. URL: http://www.ng.ru/style/2001-03-14/16_image.html (дата обращения: 19.04.2016).
10. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 137–376.
11. *Кукес А.А.* Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: Переходный возраст как тема и образ; Лу Андреас-Саломе, Маргерит Дюрас, Криста Вольф, Ольга Войнович: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 148 с.
12. *Мочкин А.Н.* Ф. Ницше о времени и вечности // *Философия и культура*. 2015. № 1(85). С. 56–66. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.1.12149.
13. *Мочкин А.Н.* Фридрих Ницше (интеллектуальная биография). М.: ИФ РАН, 2005. 246 с.
14. *Ницше Ф.* Весёлая наука // *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 491–719.
15. *Ницше Ф.* Генеалогия морали / Пер. с нем. В.А. Вейнштока. СПб.: Азбука, 2015. 222 с.
16. *Ницше Ф.* Письма / Сост. и пер. И. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2007. 399 с.
17. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 238–405.
18. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // *Ницше Ф.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 232–491.
19. *Нордау М.* Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995. 400 с.
20. *Саломе Лу*. Эротика / Пер. с нем. Л. Гармаш и З. Венгеровой. М.: Культурная революция, 2012. 424 с.
21. *Синеокая Ю.В.* Три образа Ницше в русской культуре. М.: ИФРАН, 2008. 197 с.

22. Синеокая Ю.В. Фридрих Ницше и Лу Саломе: на гребнях волн // Историко-философский ежегодник'2014. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. С. 83–118.

23. Талалаевский И. Три фурии времён минувших. Хроники страсти и бунта. Лу Андреас-Саломе, Нина Петровская, Лиля Брик. СПб.: Алетейя, 2013. 836 с. URL: <http://proflib.com/chtenie/141367/igor-talalaevskiy-tri-furii-vremen-minuvshikh-khroniki-strasti-i-bunta.php> (дата обращения: 05.04.2016).

24. Фаритов В.Т. Бог и христианство в философии Г.В.Ф. Гегеля и Ф. Ницше: опыт сравнительного исследования // Философская мысль. 2016. № 2. С. 105–134. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.2.17854 URL: http://e-notabene.ru/fr/article_17854.html (дата обращения: 06.05.2016).

25. Шопенгауэр А. К учению о страданиях мира // Шопенгауэр А. Сб. произведений. Минск: ООО «Попурри», 1998. С. 70–84.

HUMAN LIFE-WORLD

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, professor, Chief Researcher at the Department of the History of Anthropological Doctrines. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: gurevich@rambler.ru

Elvira SPIROVA

DSc in Philosophy, Head of the Department of the History of Anthropological Doctrines. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: elvira-spirova@mail.ru

THE UNREALIZED DUO (ABOUT THE RELATIONSHIP OF LOU ANDREAS-SALOMÉ AND FRIEDRICH NIETZSCHE)

This article is devoted to two great figures of European culture – Lou Andreas-Salomé and Friedrich Nietzsche. Fate has bound them as like-minded thinkers. For many years they maintained a friendship and theoretical unanimity. This article illustrates that mutual love can sublimate itself in joint work, in search of new ideas and concepts.

Nietzsche was, apparently, the first philosopher, who introduced the theme of suffering in philosophical discourse. Of course, in the history of philosophy were attempts to analyze this feeling. But Nietzsche gave a detailed phenomenology of this experience, suffering its different embodiments literally. First of all, he tried to glorify suffering, noting the ability of this sense to facilitate the ascent of the soul. However, he convincingly showed that it was not only the aspiration to spiritual heights. On the contrary, suffering is often associated with revenge and malice. Such a paradoxical combination of internal psychological states would later be called masochism.

But Nietzsche was not only a researcher of introspective world of man. He has also created a peculiar concept of man which can be called apophatic. The meaning of this philosophical-anthropological version was that: the enlightening elevation of a man is not justified. Man is a creature that combines contradictory features. In other words, each of us is a creature and Creator, each of us is clay, dirt, nonsense, chaos.

As for Salome, she, too, was not alien to philosophy. She quickly grasp new ideas and was able not only reproduce them, but also greatly enrich these thoughts with her own bright reflection. So, the philosopher and his female friend have tender feelings to each other. Even if the relationship between Nietzsche and Salomé was limited to common interest in romantic poetry, this meeting would have left a deep trace in Nietzsche's soul. But the influence of Salome on the works of the philosopher was more profound. This led Nietzsche to think about the justification of suffering in the life of every person, because without it, human existence would lose its charm.

The article also shows that Nietzsche dreamed about marriage with Lou, but she wasn't ready to force their own views to create such an alliance. This "non-realized duo" left a deep mark on Nietzsche's soul. It largely determined the tragic sight of the philosopher on the problems of life and impacted on the world of his feelings. Nietzsche eventually began to poeticize loneliness, his work showed his views that he expressed maliciously and passionately. Love, as shown in the article is able to inspire people, to inspire their work and give it spiritual depth and originality. Without amorous feelings between Friedrich Nietzsche and Lou Salomé and their long-term joint work, it is unlikely that Nietzsche would have reached the heights which we acknowledge now. But Lou also would not become a famous writer and psychoanalyst without meeting with Nietzsche.

The authors analyze the theme of suffering in pre-Nietzschean historical-philosophical tradition. It is known that Kant, like Nietzsche, was thinking about why suffering attracts some people. However, the German thinker did not consider this experience as a paradoxical combination of morbid states and pleasure, which the individual receives from such feelings. Kant considered the suffering and joy separately, not denoting their mutual attraction. Kant believed that no one wants another to experience suffering to feel his own well-being. Nietzsche first saw in pain a special kind of pleasure. The sufferer derives pleasure from the fact that he causes pain to the other and thus feels his superiority. Therefore, the suffering does not disappear, but rather multiplies.

It is necessary to have special intellectual insight to guess in suffering such emotional states as malice and desire to hurt. Traditional ethics interpreted human emotions as stable and transparent. Suffering is one thing, and malice is quite another. The sufferer deserves a sympathy and pity, and evil people – no. However, Nietzsche's anthropological instinct shows that these conditions intersect and find the opposite meaning. Malice may transform

into compassion and suffering may bring pleasure, inflicting pain on other people. Actually, people often have fun hurting other people with “a small fraction of malice”.

The analysis of Salomé's reasoning about Nietzsche, by which she tried to give readers a more accurate idea of the spiritual world of the philosopher, is of great interest. She eventually became the interpreter of his work and his personality. The authors raise the question: why exactly Lou Salomé acts as a commentator of Nietzsche's ideas? What allows her to understand the character of the philosopher and his thirst for suffering? The article put forward the idea that Lou Salomé gave a very objective and accurate assessment of the philosopher's personality and the meaning of his ideas. There was always the shadow of the great philosopher behind all writings of Salomé. Lou Salomé testified that all ideas that Nietzsche developed or left for further consideration, were largely the story of his inner life, his inner struggle. Such a conclusion can venture only one who knew Nietzsche not only by his writings. Lou Salomé, presumably, had that right not only as a friend of Nietzsche, but also as a versatile researcher.

The contribution of Nietzsche to the philosophical interpretation of suffering is priceless. Undoubtedly, the attempt of the philosopher to recreate the world based on his own soul could not help searching of personal introspection. This in turn led Nietzsche to the suffering from himself, to the discontent with himself. This is what has formed, according to Lou, the fundamental principle of his spiritual being.

Keywords: philosophical anthropology, human existence, human nature, Nietzsche, Salomé, love, suffering, freedom, malice, loneliness

References

1. Andreas-Salome, L. “Fridrikh Nitsche v svoikh proizvedeniyakh” [Friedrich Nietzsche, the Man in His Works], in: L. Salome, *Erotika* [The Erotic], trans. by L. Garmash & Z. Vengerova. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2012, pp. 109–162. (In Russian)
2. Andreas-Salome, L. *Moi Nitsche, moi Freid...* [My Nietzsche, my Freud...]. Moscow: Algoritm Publ., 2016. 335 pp. (In Russian)
3. Andreas-Salome, L. *Nartsissizm kak dvoynoe napravlenie* [Narcissism as Double Direction], trans. by M. Bochkareva. Izhevsk: ERGO Publ., 2013. 59 pp. (In Russian)
4. Andreas-Salome, L. *Prozhitoe i perezhitoe: Vospominaniya o nekotorykh sobyitiyakh moei zhizni; Rodinka: Vospominaniya o Rossii* [Looking Back: Memoirs; Rodinka: A Russian Memoir], trans. by V. Sedel'nik. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2002. 447 pp. (In Russian)
5. Andreas-Salome, L. *Vklady v psikhoanaliz* [Contributions to Psychoanalysis], trans. by M. Bochkareva. Izhevsk: ERGO Publ., 2012. 103 pp. (In Russian)
6. Faritov, V. “Bog i khristianstvo v filosofii G.V.F. Gegelya i F. Nitsche: opyt sravnitel'nogo issledovaniya” [God and Christianity in the Philosophy of G.W.F.Hegel and F.Nietzsche: an experience of comparative study], *Filosofskaya mysl'*, 2016, no 2, pp. 105–134. (DOI: 10.7256/2409–8728.2016.2.17854) [http://e-notabene.ru/fr/article_17854.html, accessed on 06.05.2016]. (In Russian)

7. Garmash, L. "Lu Salome sama o sebe" [Lou Salome About Herself], in: L. Salome, *Erotika* [The Erotic], trans. by L. Garmash & Z. Vengerova. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2012, pp. 233–407. (In Russian)

8. Garmash, L. *Lu Salome: Sama svidetel'stvuyushchaya o sebe i o svoei zhizni* [Lou Salome: Attesting to Herself and Her Life]. Chelyabinsk: Ural LTD Publ., 2000. 341 pp. (In Russian)

9. Gurevich, P. "Obraz vraga" [The Image of the Enemy], *Nezavisimaya gazeta*, 2001, 14–16 March. [http://www.ng.ru/style/2001-03-14/16_image.html, accessed on 19.04.2016]. (In Russian)

10. Kant, I. "Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya" [Anthropology From a Pragmatic Point of View], in: I. Kant, *Sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 7. Moscow: Choro Publ., 1994, pp. 137–376. (In Russian)

11. Kukes, A. *Gendernaya samorefleksiya v zhenskoi avtobiograficheskoi proze XX veka: Perekhodnyi vozrast kak tema i obraz; Lu Andreas-Salome, Margerit Dyuras, Krista Vol'f, Ol'ga Voinovich: kandidatskaya dissertatsiya* [Gender self-reflection in female autobiographical prose of the 20th century: Transition age as a theme and an image; Lou Andreas-Salome, Marguerite Duras, Christa Wolf, Olga Voynovich: PhD thesis]. Moscow: 2003. 148 pp. (In Russian)

12. Mochkin, A. "F. Nitsshe o vremeni i vechnosti" [F. Nietzsche About Time and Eternity], *Filosofiya i kul'tura*, 2015, no 1(85), pp. 56–66. (DOI: 10.7256/1999–2793.2015.1.12149) (In Russian)

13. Mochkin, A. *Fridrikh Nitsshe (intellektual'naya biografiya)* [Friedrich Nietzsche (intellectual biography)]. Moscow: IF RAN Publ., 2005. 246 pp. (In Russian)

14. Nietzsche, F. "Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Kniga dlya svobodnykh umov" [Human, All Too Human: A Book for Free Spirits], F. Nietzsche, *Sobranie sochinenii* [Collection of Works], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990, pp. 232–491. (In Russian)

15. Nietzsche, F. "Po tu storonu dobra i zla" [Beyond Good and Evil], in: F. Nietzsche, *Sobranie sochinenii* [Collection of Works], vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1990, pp. 238–405. (In Russian)

16. Nietzsche, F. "Veselaya nauka" [The Gay Science], in: F. Nietzsche, *Sobranie sochinenii* [Collection of Works], vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990, pp. 491–719. (In Russian)

17. Nietzsche, F. *Genealogiya morali* [Genealogy of Morals], trans. by V. Veinsh-tok. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2015. 222 pp. (In Russian)

18. Nietzsche, F. *Pis'ma* [Letters], trans. by I. Ebanoidze. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2007. 399 pp. (In Russian)

19. Nordau, M. *Vyrozhdenie. Sovremennye frantsuzy* [Degeneration. The Modern French]. Moscow: Respublika Publ., 1995. 400 pp. (In Russian)

20. Salome, L. *Erotika* [The Erotic], trans. by L. Garmash & Z. Vengerova. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2012. 424 pp. (In Russian)

21. Schopenhauer, A. "K ucheniyu o stradaniyakh mira" [On the Sufferings of the World], in: A. Schopenhauer, *Sbornik proizvedenii* [Selected Works]. Minsk: Pop-urri Publ., 1998, pp. 70–84. (In Russian)

22. Sineokaya, Ju. "Fridrikh Nitsshe i Lu Salome: na grebnyakh voln" [Friedrich Nietzsche and Lou Salome: On Crests of Waves], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 2014. Moscow: Kanon+ Publ., 2014, pp. 83–118. (In Russian)

23. Sineokaya, Ju. *Tri obraza Nitsshe v russkoi kul'ture* [**Three Images of Nietzsche In Russian Culture**]. Moscow: IF RAN Publ., 2008. 197 pp. (In Russian)

24. Talalaevskii, I. *Tri furii vremen minuvshikh. Khroniki strasti i bunta. Lu Andreas-Salome, Nina Petrovskaya, Lilya Brik* [Three furies of the past. Chronicles of Passion and Rebellion. Lou Andreas-Salome, Nina Petrovskaya, Lilya Brik]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2013. 836 pp. [<http://profilib.com/chtenie/141367/igor-talalaevskiy-tri-furii-vremen-minuvshikh-khroniki-strasti-i-bunta.php>, accessed on 05.04.2016]. (In Russian)

25. Vorozhikhina, K. "Nitsshe vo Frantsii: konflikt pervykh interpretatsii" [Nietzsche in France: a conflict of the early interpretations], *Filosofskii zhurnal*, 2015, no 8(1), pp. 88–94. (In Russian)